18+
В Шадоумуре демоны боятся тех,
кто умеет держать строй
Шадоумур
Кристина Белая
18+

Кристина Белая
Шадоумур

https://litres.ru/74683587
SelfPub; 2026

Аннотация

«Шадоумур» — мрачное и чувственное тёмное фэнтези о корыстном расчёте, который обернулся войной за выживание.

Чтобы спасти семью от нищеты, отставной капитан Кристиан Вейл женится на хозяйке зловещего поместья — пугающе красивой ведьме Морриган. Её род скован древним договором с демонами, которые обеспечивают усадьбе роскошь взамен на жизни её мужей. Столкнувшись с проклятием дома лицом к лицу, Кристиан отказывается сдаваться. Используя военную выучку, капитан превращает поместье в осажденный гарнизон и вместе с Морриган вступает в безжалостную схватку с тварями, чтобы разрушить контракт и вернуть право на свободу.

Содержание

Посвящение 5
Предисловие 6
Глава 1 7
Глава 2 31
Глава 3 47
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Кристина Белая
Шадоумур

Название: Шадоумур
Автор(-ы): Кристина Белая
Ссылка: https://author.today/work/674892

Посвящение

Посвящается тем, кто не сомневался во мне ни единой секунды.

Всем, кто бережно делил со мной тишину этой работы и согревал своей верой, когда опускались руки. Спасибо, что вы есть.

Предисловие

Добро пожаловать в Шадоумур.

Перед вами не классическая сказка о всесильной любви и не история об «избранных». Это хроника выживания — история о том, как потусторонний кошмар сталкивается с суровой воинской дисциплиной и железной волей.

Отставной капитан Кристиан Вейл шёл на корыстную сделку: женитьба на прекрасной ведьме Морриган должна была спасти его семью от голода. Но Шадоумур не отпускает живых. Местные демоны приготовили для капитана ловушку, способную лишить человека сердца. Однако вместо покорной жертвы они получили профессионального военного тактика. Лишённый чувств Кристиан превратит проклятый особняк в осаждённый гарнизон.

Это история о битве, где фланговые удары наносятся по ментальным иллюзиям, а цена победы — право на подлинную страсть. Вместе с Морриган им предстоит доказать: когда тебя ломают, у тебя всё ещё остаются разум, присяга и воля к борьбе.

Заприте двери и помните: в Шадоумуре демоны боятся тех, кто умеет держать строй.

Глава 1

Спина ныла так, словно в неё набили колотого кирпича. Кристиан Вейл поправил ремень старой офицерской портупеи, которая теперь стягивала не парадный мундир, а поношенный, крашенный серой домашней краской кафтан. Ткань на локтях давно истончилась, а серебряные пуговицы с гербом рода Вейл — пикирующим соколом, потерявшим в боях крыло, — Кристиан срезал и продал ещё прошлым летом, чтобы купить мешок овса и три фунта соли для сестёр.

Лошадь под ним, старая кобыла по кличке Дочечка, тяжело переставляла ноги. Её копыта тонули в липкой, чёрной грязи, которая пахла тухлой водой и прелыми листьями. Дорога вела через Шадоумурский лес уже четвёртый час, и за всё это время Кристиан не услышал ни единого птичьего крика. Ни сороки, ни сойки. Даже вороньё, обычно кружившее над болотными топями в поисках падали, облетало эти места стороной.

Лес дышал туманом. Белёсые, волокнистые пряди цеплялись за голые ветви столетних дубов, похожие на скрюченные пальцы мертвецов.

— Ну же, милая, ещё немного, — негромко произнёс Кристиан, потрепав кобылу по жёсткой гриве. Голос прозвучал глухо, словно туман впитывал звуки.

Он сунул правую руку в глубокий карман кафтана. Паль-

цы тут же нащупали привычную форму — тяжёлый, шершавый диск армейского амулета. Эту вещь он выменял у умирающего полкового мага во время Осады Семи Башен. Маг клялся, что старое полковое серебро, окроплённое кровью трёх десятков чародеев, способно выдержать даже прямой удар ведьминского сглаза. Кристиан не слишком верил в сказки, но за последние три недели, пока он добирался до границ Шадоумура, этот кусок металла стал его единственной опорой.

В кармане амулет был тёплым. Обычное железо, согретое теплом человеческого тела. Кристиан сжал его крепче, чувствуя, как подушечки пальцев натыкаются на вырезанные руны защиты.

«Ты делаешь это ради Лили. Ради Марты», — повторил он про себя мысленно. Лица младших сестёр, исхудавшие, с бледными губами и испуганными глазами, встали перед его мысленным взором. Фамильный замок Вейлов разваливался. Крыша над девичьей спальней дала течь ещё в прошлую луну, а кредиторы уже не просто стучали в ворота — они грозились продать остатки земель с молотка, а самих девчонок отправить в работный дом.

Контракт, присланный из поместья Шадоумур, казался безумием. Сумасшествием, о котором в тавернах шептались только после третьей кружки крепкого эля. «Хозяйка поместья ищет мужа благородных кровей. Приданое — три сундука золотых монет королевского чекана. Единственное

условие — венчание в местной часовне и постоянное проживание в усадьбе». Половину золота поверенный Морриган Шадоумур перевёл на счёт кредиторов Кристиана в тот же день, когда отставной капитан поставил размашистую подпись под пергаментом.

Семья была спасена от голода. Теперь оставалось спасти себя.

Лес резко оборвался, будто кто-то провёл по земле лезвием. Дочечка всхрапнула, вытягивая шею вперед, и Кристиан придержал поводья.

Перед ним лежала долина, утопающая в неестественных, густых сумерках, хотя по часам солнце ещё должно было стоять над горизонтом. Посреди этой низины возвышалось поместье Шадоумур.

Оно не было похоже на старые крепости, к которым привык глаз военного. Это был огромный, готический дворец из тёмного, почти чёрного камня. Его шпили вонзались в низкое небо, словно иглы. Окна нижних этажей оставались тёмными, но на верхних ярусах горел ровный, янтарный свет. Вокруг дома раскинулся сад. Даже отсюда Кристиан видел идеальные линии подстриженных кустарников и ровные дорожки, выложенные белым гравием.

Но что-то в этом саду было не так. Деревья стояли идеально прямо, ни один лист не шевелился, хотя Кристиан чувствовал, как холодный осенний ветер бьёт ему в лицо, срывая брызги грязи с дороги. В Шадоумуре царил абсолютный,

мёртвый штиль.

Ворота поместья, выкованные в виде переплетённых лоз с острыми шипами, были гостеприимно распахнуты.

Кристиан вздохнул, поправил портупею и пустил лошадь шагом по белому гравию. Под копытами кобылы камни не хрустели. Звук просто пропадал, словно земля под ногами была выстлана толстым слоем ваты. Навстречу Кристиану из тумана соткалась фигура слуги.

Человек — если это был человек — носил безупречную ливрею винного цвета. Его волосы были гладко зачёсаны назад, а лицо казалось маской, вырезанной из дорогого бледного мыла.

— Добро пожаловать, капитан Вейл, — произнёс слуга. Его голос лишён был каких-либо интонаций, словно говорил автомат. — Вас ожидают. О лошади позаботятся.

Кристиан спешился. Когда он передавал поводья слуге, их пальцы случайно соприкоснулись. Капитан едва удержался, чтобы не отдёрнуть руку: кожа лакея была холодной, как лёд из погреба, и совершенно сухой. На ней не было того живого тепла, которое чувствуешь даже при мимолётном касании.

Слуга увёл Дочечку в туман, а Кристиан повернулся к массивным дубовым дверям, которые медленно, без единого скрипа, открывались перед ним.

***

Внутри Шадоумур ошеломлял роскошью, которая казалась оскорбительной для человека, привыкшего считать каждую медную монету. Высокие своды холла терялись в темноте. На стенах висели огромные гобелены, изображающие сцены охоты, но присмотревшись, Кристиан с трудом подавил дрожь: олени, за которыми гнались своры собак, имели слишком человеческие глаза — и эти глаза следили за Кристианом, будто он сам стал добычей.

На огромной люстре горели сотни свечей. Воск тёк по хрустальным подвескам, но на пол не падало ни капли.

Воздух здесь был тяжёлым и пах розами, что цветут на кладбищах — сладко, с лёгкой примесью тлена и озона, как после сильной грозы.

— Вы опоздали, капитан, — раздался голос сверху.

Кристиан вскинул голову.

Она стояла на промежуточной площадке широкой мраморной лестницы. Морриган Шадоумур. Капитан видел её портрет у поверенного, но краска на холсте не могла передать той опасной, вызывающей силы, которая исходила от этой женщины.

Она была брюнеткой. Тяжёлые, густые волосы цвета воронова крыла падали на её плечи крупными волнами, доходя до самой талии. Глаза ведьмы казались огромными на бледном лице — они были настолько тёмными, что зрачок сливался с радужкой в две бездонные лужицы чернил.

Но больше всего Кристиана поразило её платье. В про-

винции, откуда он приехал, женщины благородного сословия одевались строго: глухие вороты, плотные ткани, скрывающие фигуру. На Морриган же было платье из тончайшего багряного бархата и чёрного полупрозрачного шёлка. Корсет стягивал её талию так безжалостно, что грудь едва сдерживалась глубоким, вызывающим вырезом. Разрез на юбке при каждом шаге открывал бедро, обтянутое тёмным чулком. Это было платье не хозяйки поместья, а блудницы или королевы, которая сама устанавливает законы приличия.

— Дороги в ваших краях, леди Шадоумур, не располагают к быстрой езде, — Кристиан заставил себя смотреть ей прямо в глаза, сознательно игнорируя соблазнительные изгибы тела. Он был солдатом, и перед ним стоял враг. Красивый, смертоносный, но враг.

Пальцы в кармане сильнее сжали амулет. И в тот же миг металл начал стремительно остывать. Серебряный диск становился холодным, словно его вытащили на мороз.

«Она начинает плести свои чары», — подумал капитан, ощущая, как по спине пробежал холодок. Защита амулета сработала, принимая удар на себя.

Морриган медленно спускалась по лестнице. Её шаги, в отличие от шагов слуги, были слышны — лёгкий стук каблучков по мрамору. Каждое её движение было наполнено ленивой, кошачьей грацией.

— Храбрость — хорошее качество для покойника, капитан, — Морриган остановилась на последней ступени, ока-

завшись чуть выше Кристиана. — Но в моем доме ценится покорность. Вы прочитали контракт? Вы понимаете, зачем вы здесь?

— Я здесь, чтобы стать вашим мужем, леди, — сухо ответил Кристиан, расправив плечи. — И чтобы забрать оставшуюся часть золота. Моё происхождение безупречно, мой род древен. Это всё, что вас интересовало, если верить бумагам.

Морриган тихо рассмеялась. Звук её смеха напоминал шорох дорогих шёлковых простыней. Она подошла ближе. Теперь Кристиан чувствовал её дыхание — оно пахло мятой и чем-то острым, похожим на имбирь. Тени, лежавшие по углам холла, вдруг шевельнулись. Капитану показалось, что они потянулись к его сапогам, словно живые чёрные языки, но когда он моргнул, всё вернулось на свои места.

— Вы удивительно прямолинейны, Кристиан. Мне это нравится, — Морриган протянула руку и коснулась пальцами его подбородка.

Её кожа была горячей. Совсем не такой, как у слуги. От этого прикосновения внутри Кристиана что-то дрогнуло. Армейский амулет в кармане стал ледяным, он буквально обжигал бедро холодом, сигнализируя об опасности. Но Кристиан не мог пошевелиться. Взгляд тёмных глаз ведьмы приковал его к месту.

— Вы думаете, что вы сильнее этого дома? — прошептала она, придвигаясь ещё ближе. Её вызывающее платье кос-

нулось его грубого серого кафтана. — Вы думаете, что ваша маленькая железка в кармане спасёт вас от того, что здесь происходит?

***

Кристиан хотел ответить, хотел отступить на шаг, как учили на плацу при встрече с превосходящими силами противника. Но тело его не слушалось. Мужское эго, подогретое неделями воздержания и опасной, пьянящей близостью этой женщины, взяло верх над солдатским разумом. Злость на то, что его купили, как вещь, и заставили играть по её правилам, смешалась с диким, сжигающим желанием сломать её превосходство.

— Мне не нужны железки, чтобы справиться с женщиной, — хрипло выговорил Кристиан.

Морриган улыбнулась — хищно, торжествующе.

Она резко подалась вперед, обвив его шею тонкими руками. Её губы, влажные и горячие, прижались к его губам.

Это не было поцелуем любви или нежности. Это было нападение. Кристиан глухо зарычал, перехватывая её за талию, прижимая её податливое тело к себе. Он сминал её губы с яростью солдата, который берёт штурмом крепость. Его пальцы зарылись в густые тёмные волосы, срывая шпильки, которые с тихим звоном покатились по мрамору. Он чувствовал, как под бархатом платья бешено колотится её серд-

це.

Амулет в кармане внезапно раскалился до такой степени, что Кристиан почувствовал физическую боль, словно к коже прижали раскалённое клеймо. Но он не мог остановиться. Страсть, сладкая и тёмная, затопила его разум.

И вдруг всё изменилось.

В самый пик этого безумного поцелуя, когда Кристиану казалось, что он растворяется в её тепле, в его груди что-то хрустнуло. Будто тонкая стеклянная нить, натянутая между сердцем и разумом, лопнула с тихим звоном.

Из его приоткрытого рта вырвался короткий, судорожный вздох. Кристиан увидел — прямо перед своими глазами — как из его губ потянулась тонкая, серебристо-дымчатая струйка. Она мерцала в полумраке холла, похожая на расплавленное серебро.

Морриган приоткрыла рот и с глубоким, сладострастным вздохом втянула этот дым в себя. На долю секунды её огромные тёмные глаза вспыхнули потусторонним, фиолетовым огнём. Тени в углах холла сыто зашевелились, выросли до самого потолка и медленно, с тихим шуршанием, втянулись обратно в щели между камнями.

Ведьма резко отстранилась. Она тяжело дышала, её бледные щёки горели нездоровым, лихорадочным румянцем. Она смотрела на него с явным превосходством, облизывая пухлые губы, словно только что отведала редкое лакомство.

Кристиан сделал три шага назад, тяжело дыша. Его рука

сама собой опустилась в карман.

Амулет больше не был горячим или холодным. Он был мёртвым. Кристиан вытащил его наружу. Идеально гладкая серебряная поверхность диска теперь была покрыта тонкой, глубокой сеткой свежих трещин. Магический предмет был разрушен.

Но самым страшным было то, что произошло внутри него самого. Ноги казались ему чужими — тяжёлыми, деревянными, будто он шёл по колено в застывающем гипсе.

Кристиан поднял глаза на Морриган. Ещё минуту назад его трясло от ярости и желания, каждое движение было острым, как лезвие. Теперь эта острота исчезла, и вместо неё осталась глухая, ватная тишина.

Бархат её платья больше не казался ему соблазнительным, тёмные глаза не манили тайной. Она была красивой, да. Но это была красота мраморного надгробия на элитном кладбище. Желание пропало, словно его выжгли калёным железом. Злость улетучилась. Осталась лишь звенящая, холодная и пугающая пустота в груди. Демоны Шадоумура забрали его первую искру. Его страсть к ней не просто угасла — она была вытянута, как воздух из лёгких, и теперь в груди осталась только звенящая пустота.

— Добро пожаловать в Шадоумур, капитан, — тихо произнесла Морриган, поправляя растрепавшиеся волосы. В её голосе больше не было насмешки. Только холодный расчёт.

— Ваша комната на третьем этаже. Отдыхайте. Нам ещё нужно подготовиться к свадьбе.

***

Морриган проводила капитана взглядом, пока его широкая спина в сером сукне не скрылась за поворотом парадной лестницы. Как только шаги Кристиана затихли на третьем этаже, её плечи заметно опустились. Лихорадочный румянец на бледных щеках сменился мертвенной серостью.

Она резко развернулась, едва не запутавшись в тяжёлом шлейфе багряного бархата, и быстрыми, рваными шагами направилась в глубину правого крыла — туда, где располагался её личный кабинет, закрытый для любого смертного.

Дверь из чёрного морёного дуба открылась без ключа, повинуясь её прикосновению. Внутри комнаты не было окон, а единственным источником света служил огромный камин, сложенный из грубого тёмного гранита. В нём никогда не горели обычные дрова. Вместо них в глубине топки ровно и бесшумно пульсировало густое, фиолетовое пламя, не дававшее ни тепла, ни дыма.

Морриган прошла к массивному столу, усеянному исписанными пергаментами и старинными гримуарами, и без сил опустилась в кресло с высокой спинкой. Её руки дрожали. Она поднесла ладони к лицу и судорожно вздохнула. На губах всё ещё оставался вкус Кристиана — терпкий, с нотками

табака, дешёвого походного вина и яростной, бьющей через край жизненной силы.

— Ну и как тебе новая игрушка, маленькая ведьма?

Голос раздался не из угла и не из-за двери. Он прозвучал одновременно отовсюду — соткался из шороха фиолетового пламени, скрипа половиц и тяжёлого вздоха самого дома. Тени на стенах кабинета, до этого неподвижные, вдруг начали стягиваться к центру комнаты, словно густая смола, уплотняясь и обретая уродливые, меняющиеся очертания.

Из темноты над камином выдвинулась огромная, лишённая чётких контуров фигура. У неё не было лица в привычном понимании — лишь два тлеющих угля вместо глаз и провал пасти, сочащийся жидким мраком. Это был Ксафан, один из трёх хранителей договора Шадоумура.

— Он выжил, — глухо произнесла Морриган, стараясь, чтобы её голос звучал твёрдо. Она привыкла скрывать страх, но перед этими тварями притворство было почти бесполезным. — Его амулет разрушен, но сам он на ногах. Я забрала его страсть. Она... она была слишком сильной.

— О да-а-а, — прошелестела тень, и по стенам комнаты прошла дрожь удовольствия. — Мы почувствовали этот всплеск. Вкус увядающего вожделения. Это было изысканно, Морриган. Военные всегда отдают свои чувства с таким приятным, горьковатым привкусом дисциплины. Но этого мало. Нам нужен пик. Нам нужна свадьба.

— Вы едва не сожгли его разум в первую же минуту! —

Морриган резко поднялась, её тёмные глаза яростно блеснули. — По договору вы обещали не вмешиваться до завершения обряда! Если он превратится в безмозглую куклу до того, как мы обменяемся клятвами перед алтарём, магия брака не сработает. Вы же знаете правила! Земля не примет мёртвую клятву, и Шадоумур останется без подпитки.

Демоническая тень опустилась ниже, её ледяное дыхание заставило чернила в чернильнице на столе покрыться тонкой корочкой льда.

— Не тебе напоминать нам о правилах, девчонка. Твой прадед умолял нас о спасении, когда инквизиция жгла ваши земли. Мы дали вашему роду богатство, силу и неприкосновенность. Но поместье должно питаться. Чувства мужей — это скромная плата за то, что ты до сих пор носишь свои дорогие платья, а не гниёшь в безымянной могиле.

Морриган стиснула зубы так сильно, что заболели челюсти. Она ненавидела этот договор. Ненавидела идеальных, мёртвых слуг, которых демоны создали из праха прежних владельцев земель. Ненавидела бесконечный туман за окном. Но больше всего она боялась того дня, когда очередной мужчина окажется слишком слабым и сломается досрочно.

— Капитан Вейл крепок, — тихо сказала она, укрощая гнев. — В его жилах течёт древняя кровь. Он пришёл сюда ради семьи, его ведёт долг. Его воля сильнее, чем у тех изнеженных дураков, которых вы сжирали за неделю.

— Тем слаще будет финал, — тварь в камине издала звук,

похожий на скрежет ржавых ножей. — Когда он поймёт, что его долг, его благородство и его память о доме — лишь приправа к нашему пиршеству. Береги его, ведьма. Разжигай в нём новые чувства. Заставь его ненавидеть тебя, заставь его отчаяться. Нам нужно больше эмоций для финального сбора в брачную ночь. И помни... если ты оступишься, если ты проявишь к нему хоть каплю истинной жалости, договор перекинется на тебя. И тогда мы заберём твою душу.

Тень резко втянулась в пламя камина, и фиолетовый огонь снова стал ровным и бесшумным. В кабинете воцарилась удушливая тишина.

Морриган медленно подошла к старинному напольному зеркалу в серебряной раме. Из глубины стекла на неё смотрела уставшая, испуганная женщина. Вызывающее багряное платье теперь казалось ей не символом власти, а погребальным саваном. Она коснулась своих губ пальцами. Серебристая дымка чувств Кристиана уже растворилась в её теле, уходя по невидимым каналам в фундамент дома, но эхо его яростной, живой страсти всё ещё колотилось в её голове.

«Он не должен сломаться, — подумала она, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. — Я не позволю им сожрать его раньше времени. Чего бы мне это ни стоило».

***

В это же время на третьем этаже, в отведённых ему поко-

ях, Кристиан Вейл стоял у окна, уперевшись лбом в холодное стекло. Комната была огромной, обставленной с той же кричащей, пугающей роскошью: кровать под тяжёлым балдахином из чёрного бархата, мебель из красного дерева, ковры, в которых ноги утопали по щиколотку. Но Кристиану казалось, что он заперт в склепе.

Он вынул из кармана растрескавшийся амулет и положил его на край стола. Серебряный диск тихо звякнул. Защита, которая спасала его в боях с полевыми магами, здесь превратилась в бесполезный хлам после одного-единственного поцелуя.

Но Кристиана беспокоило не это. Его пугала пустота.

Он попытался вспомнить Морриган. Её пухлые губы, разрез платья, шелковистые волосы. Память чётко выдавала картинку — он помнил каждую деталь. Но внутри ничего не отзывалось. Никакого трепета, ни капли страха или влечения. Ощущение было таким, словно он читал сухой военный отчёт о незнакомой женщине. Демоны выпили его страсть до самого дна, оставив лишь логику.

«Хорошо, — подумал Кристиан, заставляя себя сохранять хладнокровие. — Страсть к ведьме — это лишь помеха. Мне не нужно её любить, мне нужно просто выжить и забрать деньги. Но что с остальным?»

Холодный пот прошиб его, когда в голову пришла страшная мысль. Если демоны могут забирать чувства через ведьму, не забрали ли они что-то ещё?

Кристиан закрыл глаза и мысленно перенёсся назад, в родную провинцию. В полуразрушенный замок Вейлов.

Перед его мысленным взором встала Марта — его младшая сестрёнка. Ей было всего двенадцать. Он вспомнил, как она плакала прошлым летом, когда околела их последняя корова, как прятала лицо у него на груди, а он гладил её по худым плечам и обещал, что всё исправит. Кристиан замер, прислушиваясь к себе.

В груди кольнуло. Обычное, тёплое, щемящее чувство сострадания и защитнической ярости отозвалось в сердце. Горькая любовь к своей семье, ради которой он продал свою жизнь, была на месте. Демоны не тронули её.

Затем он вспомнил Лили, старшую из сестёр, которая в свои девятнадцать уже вела всё запущенное хозяйство, ломая ногти и стирая руки в кровь о грубую ткань. Он вспомнил её тихий, усталый голос. И снова внутри разлилось привычное тепло. Его привязанность к дому, его долг, его любовь к сёстрам остались нетронутыми.

Кристиан открыл глаза и облегчённо выдохнул. Сердце билось ровно.

«Значит, контракт работает избирательно, — заключил капитан, расхаживая по роскошному ковру. — Они забирают только те чувства, которые рождаются здесь, между мной и этой ведьмой. Они выпили мою страсть, потому что это то, чем они питаются. Но моя любовь к сёстрам — вне их досягаемости. Пока я помню, ради кого я здесь, я остаюсь

человеком».

Он подошёл к зеркалу, висевшему на стене между двумя подсвечниками. Из глубины стекла на него смотрел суровый, подтянутый мужчина. Шатен с холодными, как ледниковая вода, голубыми глазами. На его лице не было ни тени страха. Поношенный военный кафтан выглядел чужеродно в этой комнате, но Кристиан лишь плотнее застегнул оставшиеся пуговицы.

Его амулет был сломан. Его эмоции начали планомерно уничтожать. Но у него всё ещё оставался его разум, его военная выучка и абсолютная, железобетонная решимость довести это дело до конца.

Он повернулся к двери. Завтра начнётся подготовка к свадьбе, и Кристиан Вейл намеревался изучить своего врага до того, как они окажутся у алтаря.

***

Утро в Шадоумуре не принесло солнца. За высокими окнами галереи расстилался всё тот же плотный, неподвижный туман, скрадывающий очертания деревьев. Кристиан спустился на первый этаж, готовый к новой встрече с хозяйкой поместья. Его шаги гулко отдавались в пустых коридорах. Ни один слуга не попался ему на пути, хотя в холле на столах уже горели свежие свечи, а на полу не было ни пылинки.

Он нашёл Морриган в малой столовой. На ней было новое

платье — на этот раз из тёмно-зелёного, почти чёрного бархата с длинными узкими рукавами, но всё с тем же вызывающе глубоким декольте, открывающим безупречную бледную кожу. Она сидела во главе длинного стола, на котором стояли серебряные приборы и закрытые блюда.

— Надеюсь, вы выспались, капитан, — произнесла она, не поднимая глаз от своей тарелки. — Этот дом бывает беспокойным по ночам для непривычных гостей.

— Я спал и на полях сражений под грохот мортир, леди Шадоумур, — Кристиан спокойно отодвинул тяжёлый стул и сел напротив неё. — Шепоты в стенах вашего особняка не могут меня напугать.

Морриган подняла на него взгляд. Её тёмные глаза сузились, изучая его лицо. Она явно пыталась отыскать в его мимике хоть какие-то следы вчерашнего смятения или страха, но Кристиан оставался безупречно спокоен. Его голубые глаза смотрели на неё с вежливым, но абсолютно холодным безразличием.

— Вы удивительно быстро приспособились к потере, Кристиан, — тихо сказала она, и в её голосе скользнула странная нотка — похожая на разочарование или... уважение? — Большинство мужчин после первой ночи здесь умоляют меня отпустить их, готовые вернуть золото.

— Мужчины, которых вы знали до меня, вероятно, не имели за спиной голодающих сестёр, — Кристиан открыл серебряную крышку ближайшего блюда. Там лежало идеально

приготовленное жаркое из дичи, но от него не шло пара, и запах был едва уловимым. Капитан отрезал кусок и отправил в рот. Мясо было мягким, но почти безвкусным — словно жуешь плотный, мокрый картон. — Роскошь вашего дома мертва, леди Морриган. Еда, слуги, даже этот туман за окном. Это всё декорации.

Морриган замерла с бокалом вина в руке. Её пальцы сжали тонкое стекло так сильно, что оно жалобно звякнуло.

— Вы слишком много на себя берёте, капитан. Вы лишь наёмник, которого я наняла для выполнения определённой роли. Не забывайте об этом.

— Я помню условия контракта, — Кристиан отложил нож и вилку. Есть этот призрачный обед не было никакого желания. — Через три дня — венчание. До этого момента я хочу знать, с чем именно мне придётся столкнуться у алтаря. Ваши... «покровители», которые забрали мою страсть вчера вечером. Кто они? И что произойдёт в брачную ночь?

В столовой резко похолодало и этот холод пришёл не из окна — он будто выполз из углов, как густой, липкий туман. Огонь в светильниках на стенах дрогнул и присел, окрасившись в слабый фиолетовый оттенок. Морриган побледнела ещё сильнее, её вызывающая уверенность на мгновение испарилась, обнажив глубокий, застарелый ужас.

— Не произносите этих слов здесь, — прошептала она, оглядываясь на тени, сгущающиеся в углах столовой. — У стен этого дома есть уши, которые не принадлежат людям.

Вы получили свои деньги, Кристиан. Ваша семья спасена. Всё, что от вас требуется — стоять у алтаря и говорить то, что положено. Не ищите правды. Она вам не понравится.

Кристиан медленно наклонился над столом, приближая своё лицо к её лицу. Теперь, когда страсть была выжжена, он мог мыслить стратегически. Он видел, что ведьма напугана. Она не была полновластной хозяйкой этого места — она сама была заложницей, такой же, как и он, только в более дорогой клетке.

— На войне, леди Шадоумур, самый верный способ погибнуть — это идти в атаку с завязанными глазами. Я не собираюсь становиться слепой жертвой. Если мы оба хотим, чтобы этот брак состоялся и контракт был выполнен, нам придётся начать говорить правду. Хотя бы друг другу. Если я пойду к алтарю вслепую, я могу всё испортить. А вам, насколько я понимаю, это невыгодно.

Морриган долго смотрела на него, и в её бездонных тёмных глазах впервые за всё время отразилось что-то похожее на искреннее человеческое смятение. Она понимала, что этот капитан в поношенном кафтане — совсем не та лёгкая добыча, которую ждали демоны в брачную ночь.

***

Вечером того же дня Морриган сидела в своей спальне перед огромным трюмо. Она сняла тяжёлое зелёное платье,

оставшись в одной лишь тонкой сорочке из белого шёлка, которая контрастировала с её угольно-чёрными волосами. Её пальцы лениво перебирали нити жемчуга, лежащие в шкатулке, но мысли были далеко отсюда.

Слова капитана, сказанные за обедом, ранили её сильнее, чем она готова была признать. «Роскошь вашего дома мертва... Это всё декорации».

Он был прав. Шадоумур был огромной, богато украшенной тюрьмой. Её предки заключили договор с древними сущностями из иных пластов бытия ради выживания, но цена с каждым поколением становилась всё выше. Ведьмы Шадоумура рождались с огромной силой, но они не могли покинуть эти земли. Они были привязаны к дому, как цепные псы. И каждые тридцать лет поместье требовало «обновления» — брака с мужчиной чистой благородной крови.

Демоны забирали человеческие эмоции, переплавляя их в чистую энергию, которая поддерживала иллюзию жизни в долине. Прошлый муж Морриган, изнеженный графский сынок, сломался уже на второй день после свадьбы. К концу недели он превратился в пустую оболочку, пускающую слюну, и демоны просто утащили его в тени, оставив Морриган вдовой. Её это не волновало — граф был глуп и труслив.

Но Кристиан... Кристиан Вейл был выкован из другого металла.

В дверь спальни тихо постучали. Это не был беззвучный стук слуги-призрака. Удары были чёткими, размеренными.

Солдатскими.

— Войдите, — произнесла Морриган, набрасывая на плечи полупрозрачный чёрный пеньюар. Ей было плевать на приличия — вызывающая нагота всегда была её главным оружием против мужчин.

Кристиан переступил порог. Он переоделся в чистую, хотя и старую белую рубаху без кружев и простые тёмные брюки. Его взгляд скользнул по её обнажённым плечам и замер на лице, оставаясь всё таким же ледяным и оценивающим. В руках он держал старую, пожелтевшую карту окрестностей, которую, видимо, нашёл в библиотеке.

— Вы рискуете, капитан, приходя в спальню к ведьме в такой час, — Морриган повернулась к нему на пуфике, закинув ногу на ногу так, что шёлк сорочки натянулся на бедре. — Мои покровители могут решить, что вы пришли за новой порцией поцелуев.

— Я пришёл по делу, — Кристиан проигнорировал её выпад и разложил карту на краю её туалетного столика, прямо поверх баночек с притираниями и румян. — Я изучил архивы внизу. Поместье Шадоумур стоит на пересечении трёх старых дорог, которые когда-то вели к королевским рудникам. Но на вашей карте эти дороги обрываются прямо у границ леса. Почему?

Морриган вздохнула и подошла к нему. Пьянящий аромат её духов снова заполнил пространство между ними, но Кристиан даже не повёл бровью. Его равнодушие начинало её

по-настоящему злить, и в то же время — восхищать.

— Потому что этих дорог больше нет, Кристиан, — она указала тонким пальцем с длинным ногтем на границу леса на карте. — Пространство вокруг Шадоумура замкнуто. Туман — это не просто погода. Это граница нашего мира. Моя лошадь может бежать на север весь день, но к вечеру я всё равно окажусь у ворот усадьбы. Вы смогли войти сюда только потому, что подписали контракт и дом сам впустил вас. Но выйти отсюда... выйти отсюда не может никто.

Кристиан нахмурился, вглядываясь в пожелтевший пергамент.

— На любой войне есть обходные пути, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Демоны сильны, но они заперты внутри этого договора так же, как и вы. Если они питаются чувствами, значит, они зависят от нас. Без человека этот дом развалится.

Морриган посмотрела на него с удивлением. До этого ни один из её мужей не пытался анализировать ситуацию с военной точки зрения. Все они либо сходили со ума от страха, либо пытались залить свой ужас вином из ведьминских погребов.

— Что вы задумали, капитан Вейл? — спросила она, и в её голосе впервые прозвучал неподдельный интерес.

— Я задумал выполнить свою часть сделки и вернуться к сёстрам живым, — Кристиан поднял на неё свои холодные голубые глаза. — И если для этого мне придётся перерезать

глотку паре ваших теневых друзей или разрушить это поместье до основания — я это сделаю. Мне просто нужно знать, где у этого договора слабое место.

Морриган открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент пол под их ногами резко качнулся. Из глубины усадьбы раздался протяжный, яростный гул, от которого зазвенели хрустальные флаконы на столике. Тени на стенах спальни с тишим шелестом начали стремительно разрастаться, превращаясь в гигантские чёрные когти, тянущиеся к Кристиану.

Демоны услышали его слова. И они были в ярости.

Глава 2

Пространство спальни вытянулось, искажая пропорции мебели, словно комната внезапно оказалась на дне глубокого колодца, полного ледяной воды. Янтарное пламя свечей в канделябрах мгновенно сжалось до крошечных, едва заметных фиолетовых точек, которые не давали света, а лишь подчёркивали наступившую тьму.

Удушливый, сладковатый запах роз, мгновенно сменился резким, удушливым смрадом старого кострища и озона. Тени на стенах больше не подчинялись законам оптики. Они отделились от обоев и плотными, осязаемыми пластами начали сползать на ковёр.

Кристиан инстинктивно шагнул вперёд, заслоняя собой Морриган. Его правая рука метнулась к бедру, но пальцы лишь беспомощно сжали пустоту — портупея с кавалерийским палашом осталась в его покоях. Ведьма позади него шумно, со свистом вздохнула. Её ладони мёртвой хваткой вцепились в ткань его рубахи на спине. Её обычно горячие пальцы теперь были холодными, как мартовский снег.

Из углов комнаты, прямо из темноты, соткались три силуэта. У них не было чётких очертаний — лишь сгустки копоти и мрака, лениво перетекающие из одной уродливой формы в другую. Но их присутствие давило на грудь с такой силой, что у Кристиана потемнело в глазах. Каждый выдох этих

тварей отзывался в его ушах звоном замороженного железа.

Они не кричали. Они не издавали утробного рёва, какой издают раненые медведи или идущая в атаку пехота.

Они начали шептать.

Этот звук заполнил всю комнату, проникая Кристиану прямо в черепную коробку. Тысячи сухих, шепчущих голосов, похожих на шуршание мириад проголодавшихся насекомых в сухой траве, заговорили одновременно:

— Какой дерзкий... какой самоуверенный маленький червь... — шелестели тени, медленно кружа вокруг стола и сминая края старой карты в пепел. — Он говорит о войне... Он думает о глотках... У нас нет глоток, капитан Вейл. У нас есть только голод. Бесконечный, вечный голод...

Кристиан стиснул зубы. Сетка трещин на его разрушенном амулете, лежавшем в кармане брюк, на мгновение вспыхнула тусклым серым светом, но тут же угасла. Дышать становилось всё труднее, воздух казался густым, как болотная жижа.

— Ты пришёл сюда купить своих сестёр за наше золото... — шёпот соткался прямо над ухом Кристиана, заставив его кожу покрыться крупной дрожью. — Ты отдал нам свою страсть, и твоё сердце даже не дрогнуло. Какая редкая, какая упрямая гордыня... Нам нравится твоя гордыня, солдат. Она будет такой сладкой в брачную ночь. Мы выпьем твою волю, каплю за каплей, пока ты сам не умоешь эти полы своими слезами...

Морриган за спиной Кристиана перевела дыхание и, преодолевая ужас, сделала шаг в сторону, выходя из-за его плеча. На ней была лишь тонкая шёлковая сорочка, но сейчас она расправила плечи, и в её тёмных глазах вспыхнул опасный, ведьминский блеск.

— Убирайтесь обратно в подпол! — её голос сорвался на хрип, но в нём была сила. — Он мой по контракту! До венчания вы не имеете права прикасаться к его разуму! Если вы нарушите черту, магия крови развеется, и Шадоумур останется без хозяина! Вы сами задохнётесь в своём тумане!

Существа замерли. Шёпот на мгновение стих, сменившись сухим, свистящим звуком, похожим на смех. Одно из теневых щупалец лениво протянулось к лицу Кристиана, остановившись в каком-то вершке от его голубых глаз. Капитан не моргнул. Он смотрел сквозь этот мрак, отмечая, где тени лежат плотнее, где они замирают, а где начинают медленно кружить. Он не видел лиц, но видел тактику: они давили на страх, пытались заставить его отступить или моргнуть. Но он не отступил. Он просто фиксировал их ритм.

— Мы ждём, ведьма... — прошелестели тени, медленно отступая назад, к углам и щелям в паркете. — Мы умеем ждать. Свадьба уже близко. Береги его, Морриган... Разжигай его костёр. Если в брачную ночь его чаша окажется пустой, мы заберём то, что принадлежит твоему роду. Мы заберём тебя...

Мрак начал стремительно втягиваться обратно в стены,

словно вода, уходящая в водосток. Фиолетовые точки на свечах снова раздались вширь, превращаясь в ровное, тёплое янтарное пламя. Комната обрела свои прежние очертания.

На туалетном столике всё так же стояли хрустальные флаконы, но старая пожелтевшая карта, на которой Кристиан пытался отыскать дороги, теперь превратилась в горстку серой, остывающей золы.

Кристиан медленно выдохнул, чувствуя, как лёгкие наконец наполняются нормальным воздухом. Он повернулся к Морриган. Ведьма тяжело опустилась на край кровати, спрятав лицо в ладонях. Её длинные чёрные волосы закрывали лицо, но Кристиан видел, как сильно дрожат её обнажённые плечи.

В её вызывающей наготе и дорогой роскоши больше не было величия. Перед ним сидела испуганная, загнанная в угол женщина, которая каждую секунду своей жизни ждала удара со стороны собственных «защитников».

Капитан подошёл ближе, поднял с пола её чёрный пеньюар и молча набросил ей на плечи. Его сердце, лишённое страсти к ней, билось совершенно ровно. Но его разум уже чертил чёткий, безжалостный план будущей кампании.

***

Остаток ночи Кристиан провёл без сна, расхаживая по своей комнате. Угрозы демонов не испугали его — на войне он слышал шёпот умирающих и крики раненых, и знал, что

любой враг, который пытается взять твою волю испугом до начала боя, боится твоего сопротивления. Твари Шадоумура были сильны, но они были скованы правилами контракта. Они не могли забрать его жизнь просто так. Им нужен был его законный брак с Морриган, чтобы открыть шлюзы для его эмоций.

Утром туман за окном сгустился до такой степени, что противоположное крыло поместья полностью исчезло из виду. Шадоумур готовился к свадьбе.

Кристиан стоял перед зеркалом, надевая свой единственный парадный мундир, который он берёг для этого дня. Синее сукно местами выцвело, на плечах остались тёмные следы от сорванных эполет, но кафтан сидел на нём безупречно, подчеркивая военную выправку. Он тщательно застегнул все пуговицы, поправил воротник и в последний раз взглянул на треснувший серебряный амулет, лежавший на столе.

«Сегодня», — подумал он.

В дверь тихо постучали. На этот раз это был один из мёртвых слуг.

— Капитан Вейл, время пришло, — произнёс лакей с неизменным масляным лицом. — Карета готова доставить вас в часовню. Хозяйка ожидает внизу.

Кристиан кивнул, сунул руки в карманы и вышел из комнаты. На лестнице его ждал сюрприз.

Морриган стояла у подножия мраморных ступеней в свадебном наряде. И это платье снова ломало все каноны. Ни-

какого белого шёлка, никакой скромной фаты. На ведьме Шадоумура было платье из тяжёлого чёрного атласа, расшитое серебряными нитями, складывающимися в узоры увядающих лилий. Корсет был настолько тугим, что её бледная кожа казалась почти прозрачной, а глубокий вырез подчёркивал её вызывающую, тёмную красоту. На её голове покоилась корона из чёрного речного жемчуга и острых серебряных шипов, похожих на колючки терновника.

Она подняла на него глаза. В их глубине Кристиан прочитал странную смесь отчаяния и вызова. Она была готова идти на плаху, но намеревалась сделать это королевой.

— Вы выглядите как настоящий капитан, Кристиан, — тихо произнесла она, когда он спустился к ней. — Жаль, что этот мундир сегодня испачкается в крови нашего договора.

— На войне, леди Морриган, мундиры всегда пачкаются, — Кристиан вежливо предложил ей локоть. — Главное — чтобы это была кровь врага, а не наша собственная. Идёмте. Посмотрим, на что способны ваши теневые друзья у алтаря.

Они вышли из дверей Шадоумура. На крыльце их ждала тяжёлая чёрная карета, запряжённая четвёркой вороных коней с пустыми, подёрнутыми белёсой плёнкой глазами. Копыта животных нетерпеливо били по белому гравию, но звука не было. Вокруг усадьбы стояла мёртвая, звенящая тишина. Свадебный кортеж был готов отправиться к старой часовне, где их уже ждали голодные тени.

***

Внутри кареты пахло старой кожей, сушёной лавандой и тем самым острым, имбирным ароматом, который исходил от кожи Морриган. Подушки сидений, обтянутые потёртым чёрным бархатом, прогибались под весом Кристиана, но само движение экипажа казалось неестественным. Колёса катились по разбитой лесной дороге, однако внутри не чувствовалось ни тряски, ни качки. За толстыми стёклами окон клубился серый, лениво перетекающий туман, сквозь который лишь изредка проступали корявые силуэты столетних дубов.

Кристиан сидел напротив ведьмы. Его руки в поношенных замшевых перчатках спокойно лежали на коленях. Синий парадный мундир стягивал грудь, заставляя держать идеальную осанку — привычка, которую не смогли выбить даже годы отставки.

Морриган смотрела в окно, но Кристиан видел в отражении стекла её глаза. Из-под чёрной жемчужной короны выбилась одна непослушная прядь, падавшая на бледную щёку. Её пальцы, унизанные старинными перстнями с тёмными камнями, нервно терзали край кружевного платка.

— Вы подозрительно молчаливы, капитан, — не поворачивая головы, тихо произнесла она. — На пороге смерти солдаты обычно либо молятся, либо проклинают тех, кто их туда послал.

— На пороге боя солдаты берегут дыхание, леди Шадоумур, — Кристиан слегка наклонил голову вперёд. — Молитвы не останавливают пули, а проклятия не чинят сломанное оружие. Я анализирую диспозицию.

Морриган резко обернулась. Чёрный атлас её вызывающего платья шуршал, словно потревоженная гадюка. В полумраке кареты её тёмные глаза казались огромными, почти поглощающими остатки света.

— Какую диспозицию вы хотите здесь найти? — в её голосе прорезалась горькая, злая усмешка. — Вы всё ещё верите, что это обычная схватка? Через полчаса мы переступим порог часовни. Демоны выйдут из стен, чтобы скрепить наш брак. Как только священник — если эту мёртвую куклу можно назвать священником — закроет книгу, они протянут к вам свои лапы. Они выпьют вашу привязанность к дому, вашу гордость, вашу волю. Вы вернётесь в поместье существом, которое умеет только выполнять приказы.

— Они заберут это, только если я позволю им это взять, — Кристиан оставался невозмутим. Его голубые глаза смотрели на неё с пугающим спокойствием. — Вчера они выпили мою страсть к вам. Это было легко, потому что страсть — это буря. Она мимолётна, её легко подцепить крючком и вытащить наружу. Но долг и любовь к сёстрам — это фундамент. Чтобы разрушить фундамент, нужно приложить куда больше усилий.

Морриган внимательно вглядывалась в его лицо, словно

пыталась найти признаки безумия. Но перед ней сидел абсолютно трезвый, хладнокровный тактик.

— Вы не понимаете... — прошептала она, и её голос вдруг дрогнул. — Они питаются не просто эмоциями. Самый сильный выброс происходит тогда, когда жертва осознаёт, что всё кончено. Когда наступает отчаяние. Они специально будут растягивать ваше увядание, Кристиан. Они заставят вас забывать имена ваших сестёр по одной букве в день. Вы будете просыпаться утром и мучительно вспоминать, ради кого вы продали свою душу, пока однажды не проснётесь абсолютно пустым.

Капитан медленно снял правую перчатку. Его ладонь, покрытая старыми шрамами от сабельных ударов, легла на бархатное сиденье рядом с её рукой.

— Тогда почему вы предупреждаете меня? — тихо спросил он. — По условиям вашего договора, вам должно быть выгодно, чтобы я сдался без боя. Если я сломаюсь, ваш дом получит силу, а вы — покой ещё на тридцать лет. Зачем вы раскрываете мне их тактику?

Морриган отвела взгляд. На её шее, прямо над вызывающе глубоким вырезом корсета, забилась тонкая, едва заметная жилка.

— Потому что я устала от мертвецов, Кристиан, — её голос опустился до едва различимого шёпота. — Я устала ходить по коридорам, где слуги не дышат, а предыдущие мужья смотрят на меня из зеркал глазами, полными укора. Вы... вы

первый живой человек в этом проклятом месте за последние три десятка лет. И мне искренне жаль, что ваша жизнь закончится из-за кучки золотых монет.

Кристиан промолчал. Его выжженное сердце не могло ответить на её жалость теплом, но его разум зафиксировал эту уязвимость. Ведьма Шадоумура не была его врагом. Она была союзником, который сам не знал, что хочет восстать против своих господ.

Карета резко остановилась. Звук копыт, которого не было слышно всю дорогу, вдруг оборвался плотной, звенящей тишиной.

— Мы приехали, — Морриган подняла руку и поправила чёрную жемчужную корону на голове. Её лицо снова превратилось в маску холодной, вызывающей ведьмы. — Добро пожаловать на наше венчание, капитан.

***

Старая часовня стояла на холме, окружённом полуразрушенной каменной оградой. Время не пощадило это место: крыша давно провалилась внутрь, и сквозь прорехи в серых сводах на каменный пол падал вечный, тяжёлый туман. Вместо витражей в стрельчатых окнах торчали острые осколки стекла, похожие на зубы хищной рыбы.

Когда Кристиан помог Морриган выйти из кареты, он ощутил, как воздух вокруг часовни стал густым и липким.

Каждый шаг давался с трудом, словно они шли по колено в болотной тине.

Они пошли по заросшей соровыми травами дорожке к массивным дверям. Чёрный атлас платья Морриган шуршал по сухим стеблям, оставляя за собой едва заметный след из инея.

Внутри часовни их уже ждали.

У алтаря, сложенного из потемневшего от сырости известняка, стояла фигура в оборванной рясе священника. Лицо старика было скрыто под глубоким капюшоном, но Кристиан заметил, что его руки, сжимавшие старинную священную книгу, были абсолютно жёлтыми, сухими и покрытыми трупными пятнами. Этот человек умер много лет назад, но магия договора заставляла его плоть двигаться и исполнять обряд.

По обе стороны от прохода, между полугнилыми деревянными скамьями, стояли тени. Те самые твари, что шёпотом пугали их в спальне. Сейчас они приняли более чёткие, антропоморфные очертания: высокие, безликие фигуры, сотканые из чёрного дыма и копоти. Их янтарные глаза-угли ровно горели во тьме, устремив свои взоры на приближающуюся пару.

— Пришли... они пришли... — по сводам часовни пронёсся знакомый, шуршащий шёпот тысяч невидимых голосов. — Живая кровь... древний род... контракт близок к завершению...

Кристиан чувствовал, как его армейский мундир стано-

вится тяжёлым, словно налитый свинцом. Отрезанный от чувств, его разум работал с чёткостью хронометра. Он подвёл Морриган к алтарю и встал рядом с ней.

Мёртвый священник медленно поднял голову. Из-под капюшона на Кристиана взглянули пустые, высохшие глазницы, в глубине которых колыхался слабый фиолетовый огонёк. Сухие губы старика зашевелились, издавая скрипучий, мертвенный звук:

— Согласен ли ты, Кристиан Вейл, взять в жёны Морриган из рода Шадоумур, разделить с ней её дом, её удел и её клятвы до скончания веков?

В этот момент тени за их спинами сделали шаг вперёд. Пространство вокруг алтаря начало сжиматься. Кристиан почувствовал, как к его затылку прикоснулось ледяное щупальце чужого, голодного разума. Демоны ждали его ответа, чтобы сорвать засовы с его души.

Капитан взглянул на Морриган. Ведьма смотрела прямо перед собой на алтарь, её профиль казался высеченным из мрамора. Но её левая рука, скрытая широким рукавом чёрного платья, внезапно нащупала ладонь Кристиана. Она сильно, до боли сжала его пальцы. В её ладони Кристиан ощутил маленький, острый предмет — осколок разбитого зеркала, который она тайно принесла с собой. Острое стекло вонзилось в его ладонь сквозь замшу перчатки, и капитан почувствовал горячую, живую боль.

Эта боль вернула ему абсолютную ясность ума. Боль была

настоящей. Она не принадлежала демонам.

— Согласен, — твёрдо и громко произнёс Кристиан. Его голос раскатился по полуразрушенной часовне, заставив шёпот теней на мгновение захлебнуться.

Мёртвый священник повернул голову к ведьме, его шея издала сухой, деревянный хруст, будто петли давно не смазывали, и рука, покрытая трупными пятнами, медленно поднялась, словно кто-то тянул за невидимые нити:

— Согласна ли ты, Морриган Шадоумур, взять в мужья Кристиана из рода Вейл...

— Согласна, — перебила она, не дав старику закончить формулу. Её голос прозвучал как выстрел.

— Властью, данной мне древним договором... — проскрипел мертвец, занося руку над их головами для благословения. — Объявляю вас мужем и женой. Да свершится обмен.

***

То, что произошло дальше, не было похоже на обычное колдовство. Это был тектонический сдвиг реальности.

Тени за их спинами сорвались со своих мест с диким, свистящим воем, который больше не был шёпотом. Чёрные сгустки мрака ринулись к алтарю, вытягивая свои длинные, когтистые лапы к груди Кристиана. Воздух в часовне мгновенно замёрз: осколки стёкол в окнах покрылись толстым

слоем инея, а дыхание Кристиана вырывалось изо рта густым белым паром.

Капитан почувствовал, как невидимая, колоссальная сила ударила его в грудь, заставляя упасть на одно колено. Из его рта снова потянулась серебристая дымка чувств — на этот раз куда более густая, широкая, похожая на бурную реку. Демоны начали высасывать его волю, его воспоминания, его привязанность к далёкому дому.

Перед его глазами начали блекнуть лица Марты и Лили. Их улыбки стирались, превращаясь в размытые серые пятна.

«Нет!» — мысленно рявкнул Кристиан, преодолевая накатывающую волну ледяного безразличия.

Он сжал левую руку в кулак. Осколок зеркала, переданный Морриган, глубоко вошёл в ладонь. Горячая, настоящая кровь пропитала замшу перчатки и закапала на древний известняк алтаря. Эта вспышка чистой, физической боли послужила якорем. Она не дала его разуму уплыть в небытие.

Морриган резко развернулась к нападающим тварям. По́лы её чёрного платья взметнулись вверх, словно крылья гигантской птицы. Она вскинула руки, и из её ладоней вырвались длинные, яростные плети фиолетового пламени. Они с треском ударили по наступающим теням, заставив их с визгом отпрянуть назад.

— Назад, твари! — крикнула она, и её корона из чёрного жемчуга задрожала на голове. — Вы получите его долю, но постепенно, как велит договор! Если вы заберёте всё сейчас,

он умрёт, и узы разорвутся!

Один из гигантских сгустков мрака — Ксафан — вырос до самых сводов часовни. Его тлеющие глаза-угли яростно сверкнули сквозь туман.

— Ты защищаешь его, ведьма... — прошипел он, и от его шёпота каменные плиты пола покрылись глубокими трещинами. — Ты нарушаешь черту... Мы видим твою жалость... Мы чувствуем её вкус... Это опасная игра, Морриган...

Однако, несмотря на ярость, демоны начали медленно отступать. Закон договора, скреплённый кровью и клятвами, был сильнее их голода. Они не могли пойти против правил, которые сами же установили сотни лет назад. Без живого хозяина Шадоумура их сила в этом мире быстро бы угасла.

Серебристая дымка, тянувшаяся из груди Кристиана, истончилась и оборвалась. Капитан тяжело поднялся с колен, тяжело дыша и опираясь на край алтаря. Его синий мундир был покрыт серым налётом инея, а левая рука в окровавленной перчатке мелко дрожала.

Он посмотрел на свои воспоминания. Лица сестёр вернулись — они были бледными, испуганными, но он всё ещё помнил их имена. Он помнил свой долг. Демоны успели откусить лишь крошечный край его воли, но основная крепость выстояла.

Морриган опустила руки. Фиолетовое пламя погасло, оставив после себя едкий запах палёной шерсти. Она повернулась к Кристиану. Её вызывающе красивое лицо было ис-

кажено усталостью и страхом, но в глубине её тёмных глаз капитан увидел то, чего там никогда не было раньше.

Там была отчаянная, человеческая решимость бороться.

Мёртвый священник у алтаря медленно закрыл свою старинную книгу. Звук упавшей кожаной обложки прозвучал как погребальный колокол. Обряд был завершён. Теперь они были повязаны одной цепью — капитан в отставке, выжженная ведьма и изголодавшиеся тени, которые будут ждать их возвращения в поместье Шадоумур.

— Идёмте, капитан... точнее, мой муж, — тихо произнесла Морриган, бледными пальцами касаясь его плеча. — Первая битва окончена. Но война за этот дом только начинается.

Кристиан молча кивнул, бережно зажимая раненую ладонь в кулак. Они повернулись и медленно пошли к выходу из часовни сквозь ряды затаившихся, зловеще молчащих теней.

Глава 3

Возвращение в поместье Шадоумур напоминало спуск в глубокую шахту, где воздух с каждым футом становится всё более спёртым и ядовитым. Карета катилась по гравию беззвучно, туман за стёклами сгустился до цвета мокрой золы, а когда Кристиан помог своей новоиспечённой жене сойти на крыльцо, мёртвые слуги в винных ливреях уже выстроились вдоль парадного входа. Они не приветствовали хозяев. Они лишь синхронно склонили головы, и их выбеленные, безжизненные лица в янтарном свете фонарей походили на черепа, обтянутые пергаментом.

Брачные покои располагались на самом верху восточной башни — в той части дома, куда Кристиан ещё не успел заглянуть. Это была огромная круглая комната с высоким купольным потолком, расписанным сценами из древних легенд, где крылатые твари сдирали кожу со смертных королей. В центре на невысоком подиуме возвышалось ложе под тяжёлым балдахином из чёрного и багряного бархата, больше похожее на королевский катафалк, чем на место для сна.

Морриган вошла первой. Чёрный атлас её подвенечного платья с тихим, зловещим шорохом подметал паркет. Она не стала зажигать свечи — камин, сложенный из тёмного камня, уже пульсировал тем самым фиолетовым пламенем, которое Кристиан видел в её кабинете. Этот свет ложился на её

бледную кожу длинными, неровными мазками, подчёркивая резкие тени под скулами и в глубине декольте.

Кристиан закрыл за собой массивную дверь. Засов вошёл в пазы с глухим, тяжёлым стуком, который отрезал их от остального дома. Капитан медленно подошёл к столу, снял поношенные замшевые перчатки и положил их рядом с хрустальным графином. Левая перчатка насквозь пропиталась подсохшей кровью. Ладонь всё ещё ныла от пореза, нанесённого осколком зеркала, но Кристиан радовался этой боли. Она напоминала ему, что он всё ещё жив.

— Ну вот мы и дома, капитан, — тихо произнесла Морриган, снимая с головы корону из чёрного жемчуга. Острые серебряные шипы тускло блеснули в фиолетовых отсветах камина. Она небрежно бросила её на пуфик. — Точнее, в нашей общей камере. Демоны ждут снаружи. Они не войдут, пока мы не дадим им повод.

Кристиан обернулся к ней. На его лице не было ни тени смущения или страха. Его голубые глаза, холодные, как ледниковая вода, методично оценивали обстановку.

— Вы сказали в часовне, что они забирают чувства постепенно, если соблюдать правила, — Кристиан расстегнул верхние пуговицы своего синего мундира, чувствуя, как шее наконец стало легче дышать. — Но сейчас брачная ночь. Пик, которого они так ждали. Что именно они рассчитывают получить от нас в этой комнате?

Морриган горько усмехнулась. Она подошла к нему

вплотную, и её вызывающее платье коснулось его брюк. Тяжёлый, дурманящий аромат ночной фиалки и амбры снова окутал его разум, но выжженное сердце Кристиана оставалось глухим к её близости. Он видел её красоту, но она больше не волновала его плоть.

— Они ждут страсти, Кристиан, — прошептала она, поднимая руки и медленно расстёгивая тяжёлые серебряные крючки на его мундире. Её пальцы были горячими, почти обжигающими. — Или ужаса. Им нужен максимальный накал человеческой природы. Мой прошлый муж в эту ночь ползал у моих ног, умоляя не проклинать его, а демоны лакали его страх, как парное молоко. Если между нами ничего не произойдёт, они решат, что мы обманываем их.

Кристиан перехватил её запястья. Его хватка была железной, солдатской, но аккуратной. Он заставил её остановиться.

— Страсти не будет, Морриган. Вы сами знаете, что они выжгли её во мне во время первого поцелуя в холле. Я могу смотреть на вас, могу признавать вашу красоту, но внутри меня — холодная зола. Я не чувствую к вам влечения. И я не чувствую страха перед вашими хозяевами.

Морриган посмотрела на него снизу вверх, и в её бездонных тёмных глазах отразилось странное, почти болезненное восхищение. Она попыталась высвободить руки, но капитан держал крепко.

— Тогда нам придётся сыграть этот спектакль так, чтобы

они поверили, — её голос опустился до едва различимого выдоха. — Демоны видят мир через призму наших тел. Если они почувствуют близость, если они увидят, что мы подчиняемся ритуалу брака, они успокоятся на какое-то время. Нам нужно выиграть время, Кристиан. Для тебя. Для меня.

Капитан медленно отпустил её руки. Он понимал тактическую необходимость её плана. На войне иногда приходится симулировать отступление или сдачу в плен, чтобы перегруппировать силы и нанести удар в самое незащищённое место врага.

— Хорошо, — коротко кивнул он. — Каков наш первый шаг, леди Вейл?

Морриган не ответила словами. Шелковая сорочка с тихим шорохом скользнула по её бёдрам на пол. Морриган осталась стоять перед ним совершенно обнажённой. Мерцание свечей очерчивало её тело: высокую, полную грудь с потемневшими от волнения сосками, тонкую талию и округлые, мягкие бёдра, плавно переходящие в изящные линии ног. В полумраке спальни её кожа казалась фарфоровой, гладкой и беззащитной.

Кристиан смотрел на неё. Его взгляд медленно скользил по её ключицам, опускался к груди, очерчивал изгиб бёдер. Это был пристальный, тяжёлый взгляд, но в нём не было тепла. Кристиан видел совершенство её наготы, но внутри него не вспыхивало пламя. Кровь не закипала в жилах, а дыхание оставалось ровным. Демоны выжгли саму способность

желать. Его взгляд оставался взглядом ценителя, созерцающего прекрасную, но холодную статую.

Морриган шумно выдохнула. Надежда, теплившаяся в груди, окончательно погасла, уступив место леденящей реальности. Тень под дверью качнулась — соглядатаи ждали звуков плотских утех.

— Помоги мне, — одними губами приказала она, толкая его к кровати и стягивая старую армейскую одежду.

Морриган опустилась на него, оседлав бёдра. Ощущение её гладкой, тёплой кожи никак не изменило ритм сердца Кристиана. Тогда она перехватила его большие, мозолистые ладони и сама потянула их вверх, прижав его раскрытые ладони к своей обнажённой груди.

Этот жест стал сигналом к началу их общего танца. Кристиан наконец включился в игру. Понимая, что от достоверности их движений зависят их жизни, он начал симулировать страсть вместе с ней. Его пальцы сжались на её груди — крепко, властно, подминая кожу так, словно им двигало дикое, первобытное вожделение. Он перехватил её за бёдра, приподнимая и опуская в такт вымышленным толчкам.

Морриган запрокинула голову. Теперь, когда тяжёлое дерево кровати ритмично и громко заскрипело, она дала волю голосу. С её губ слетел первый протяжный стон. Кристиан двигался под ней с механической, но пугающе точной жестокостью, создавая полную иллюзию необузданного секса. Морриган выгибалась в его руках, её обнаженное тело

блестело от испарины в полумраке, а пальцы впивались в его плечи. Она стонала громче, прерывистее, симулируя подступающий экстаз. Кристиан вовремя перехватил инициативу: он рванул её на себя, заставляя издавать рваные, сладострастные вскрики, и с силой вжимал её бедра в свои, имитируя финальные, самые мощные толчки.

Для демонов за дверью эта сцена была верхом животной страсти — безумным, изнуряющим соитием, где плоть сливалась с плотью в экстазе.

Тени медленно отползли от двери.

***

И в этот момент Кристиан почувствовал, как дом отреагировал.

Стены башни издали тихий, удовлетворённый вздох. Фиолетовое пламя в камине вспыхнуло ярче, выбрасывая снопы крошечных искр, которые тут же таяли в воздухе. Тени за пределами балдахина начали лениво, сыто перетекать обратно в щели паркета. Демоны обманулись. Они приняли физическую близость тел и наведённую ведьмой иллюзию за подлинный союз, скреплённый чувствами.

Однако для самой Морриган этот спектакль начал превращаться в нечто иное.

Кристиан почувствовал, как её тело в его объятиях внезапно обмякло, потеряв былую напряжённость. Она больше

не притворялась. Она прижалась к нему с отчаянием тонущего человека, который ухватился за единственное спасшее его бревно посреди бушующего океана. Впервые за долгие годы её обнимал мужчина, который не хотел её использовать, не боялся её проклятий и не пытался выторговать у неё новые блага. Его холодное, несокрушимое спокойствие стало для неё надёжным щитом.

Она подняла голову и посмотрела на него. В полумраке её глаза больше не казались бездонными лужами чернил — в них блестели настоящие, живые слёзы.

— Ты действительно ничего не чувствуешь, Кристиан? — прошептала она, и в её голосе прорезалась такая глубокая, обнажённая тоска, что Кристиану на мгновение стало не по себе. — Совсем ничего? Даже жалости ко мне?

— Моё сердце мертво для вас, Морриган, — спокойно и честно ответил капитан, глядя в её заплаканное лицо. — Демоны проделали чистую работу. Но мой разум видит вашу боль. И моя рука не выпустит вашу, пока этот бой не будет окончен. Это всё, что я могу вам пообещать.

Морриган закрыла глаза, и пара слёз скатилась по её бледным щекам, исчезая в шёлке подушки. Она ничего не ответила, лишь крепче сжала его рубаху на груди. Демоны Шадоумура в эту ночь получили свою порцию суррогатной энергии, но они пропустили главное — зарождение новой, куда более опасной для них силы. Живая воля солдата и отчаяние ведьмы начали переплетаться в прочный узел, который

нельзя было разорвать простым поцелуем.

Через пару часов дыхание Морриган выровнялось. Измученная напряжением последних дней и ритуалом венчания, она уснула, по-прежнему крепко прижимаясь к его плечу.

Кристиан лежал неподвижно, глядя в тёмный купол балдахина, пока не убедился, что её сон стал глубоким. Затем он аккуратно высвободил руку, переложил её голову на подушку и бесшумно поднялся с кровати. Время спектакля подошло к концу. Пришло время для разведки.

***

Кристиан быстро и беззвучно оделся в свои простые практичные вещи: серый кафтан, тёмные брюки и мягкие кожаные сапоги без подков, которые не издавали звуков при ходьбе. Свой сломанный амулет он оставил на столике — теперь этот кусок серебра служил лишь напоминанием о его прошлой наивности. Вместо него он взял со стола тяжёлый серебряный подсвечник с одной горящей свечой. Янтарный огонёк слабо колебался, разгоняя мрак башни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.